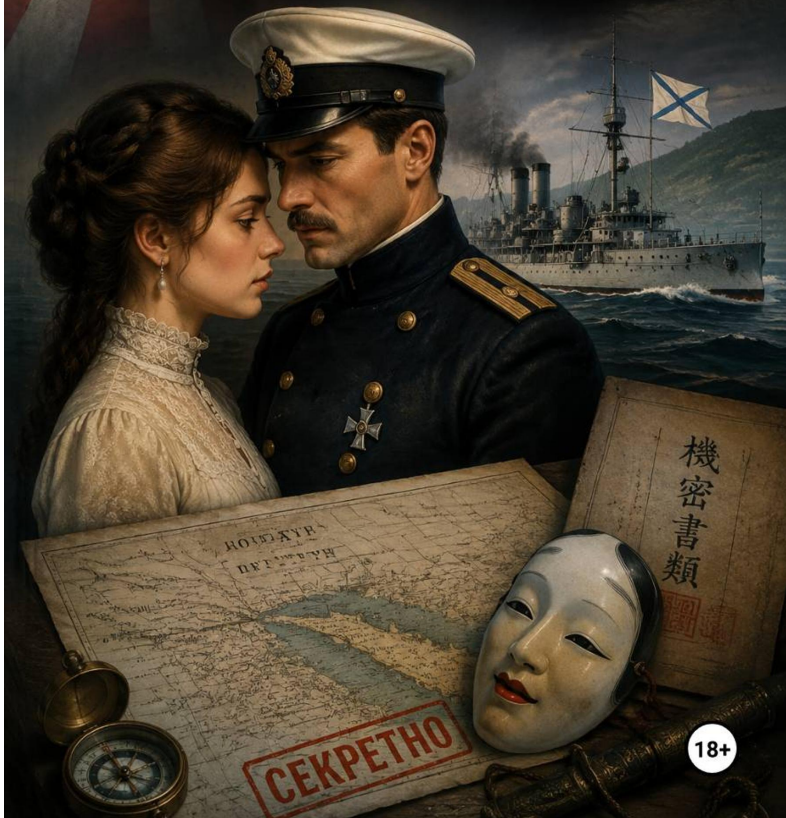

Виктор Бурсин

ЯПОНСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

18+

Виктор Бурсин

Японская головоломка

<https://litres.ru/74062649>

SelfPub; 2026

Аннотация

1903 год, противоречия между Россией и Японией обостряются с каждым днём. Уже ни для кого не секрет, что ещё немного и дело дойдёт до войны. Каждая из стран начала подготовку к противостоянию как на воде, так и на суше.

Команда канонерской лодки «Сивуч» выполнила секретные гидрографические работы в бухтах Порт-Артура. По пути следования в порт Владивостока из каюты капитана пропадает секретная папка с документами. Под подозрением вся команда корабля и таинственная молодая пассажирка, случайно взятая на борт. Не зря говорят "женщина на корабле быть беде". Кто похитил секретные документы, кто предатель? Все тайны будут раскрыты в ходе следствия.

Содержание

Глава	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. Капитан	9
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Виктор Бурсин
Японская головоломка

Глава

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для меня всегда было существенно самое главное, ради чего я жил и страдал на белом свете:

- Я, русский офицер, честь имею!

Валентин Пикуль «Честь имею»

Меня давно волновала тема Русско-японской войны, начиная с детства и юности, когда захлёб читал произведения Валентина Пикуля, такие как «Крейсера», «Три возраста Окини-сан», потом присоединился более документальный роман «Цусима» Алексея Новикова-Прибоя.

Тема этой войны, как и Первой мировой, мне кажется, несправедливо забыта последующими поколениями и весьма мало освещается современными историками и писателями. Конечно, война без побед на карте, война с вынужденным мирным договором — это не повод для пропаганды или проведения мероприятий, приуроченных к какой-то красивой дате. Это, прежде всего, повод задуматься и повод проанализировать свои ошибки, дабы не повторить их вновь.

Ведь в этих войнах сражались и умирали те же русские офицеры, матросы и солдаты, которые будут воевать в Великую отечественную войну. И умирали они также за Россию,

за родной дом, защищая слабых. Об их подвигах, об их героических жертвах мы, живущие сейчас, должны помнить. Не их вина была, что эти войны не принесли победы Российскому государству, поэтому нет у нас права забыть их. Общие потери русской армии в Русско-японской войне составили порядка семидесяти тысяч погибших и умерших от ран, ещё примерно столько же человек попало в плен. Именно им, тем кто сложил свою голову, кто с честью выполнил свой воинский долг, порой, исправляя своими жизнями ошибки вышестоящего командования, посвящается эта книга. И как говорил один из героев В. Пикуля: «И верю: русской армии можно нанести отдельное поражение, но победить её нельзя».

В данном произведении практически нет вымышленных персонажей, все герои взяты с образов реальных людей. Когда я их вводил по сюжету в главы романа, я подбирал их случайным образом. И каково же было моё удивление, когда, проследив их дальнейшую судьбу, все они оказались достойнейшими людьми своей эпохи. Эта книга посвящена и им персонально. Это дань моего личного уважения к Гинтеру Анатолию Августовичу, Винекену Александру Георгиевичу, Геруа Борису Владимировичу.

Сама книга для меня, как автора, это некий эксперимент, где я попробовал объединить сразу три жанра: любовный роман, детектив и историю. Что из всего этого получилось, оценивать вам, мой читатель. Над созданием этого романа я трудился почти пять лет, очень надеюсь, что труды мои не на-

прасны.

Японская головоломка

Глава 1. Капитан

1.

Легкий утренний пар окутывал палубу, надстройки и мачты. Машины шли на среднем ходу, ввинчивая стальное тело корабля в очередной сгусток плотного тумана. Утренники были ещё довольно тёплые, середина сентября в местных широтах — это вполне летняя погода. Сегодняшнее море было почти ровное и спокойное, поэтому палуба непривычно оставалась под ногами.

Анатолий Клавдиевич, молодежато перепрыгивая через несколько ступенек, вбежал на мостик. Вахтенный офицер Сергиевский и рулевой Астахов козырнули и поздоровались.

— Николай Константинович, доложите обстановку на корабле, — задорно спросил капитан.

— Анатолий Клавдиевич, на 4.55 утра... — Сергиевский посмотрел на часы, — происшествий на канонерской лодке «Сивуч» не зафиксировано. Скорость движения — 6 узлов, волнение моря 0-1 балла, видимость до 5 кабельтов. Разрешите играть подъём команды?

— Будите, Николай Константинович, — по-отцовски ответил капитан и слегка улыбнулся.

Для боевого корабля такой утренний час — самое спокой-

ное время: машины ровно стучат, а сам он плавно переваливается с боку на бок на легкой волне.

Анатолий Клавдиевич с большим удовольствием наблюдал за началом нового дня, как на море, так и на палубах. Время перед пробуждением корабля — самый завораживающий и самый любимый момент в его службе и жизни. Почти вся команда, кроме дежурных, ещё спит и видит счастливые сны про дом и своих родных, а может про далёкие порты или будущие переходы. Но пружина корабельного механизма уже заведена и хватит всего-то нескольких ударов в колокол, отбить восемь склянок, чтобы все ожило, забегало, загудело и зашумело на разные голоса. А если случится боевая тревога — то всё начинает двигаться молниеносно.

Вот уже полтора года как он назначен капитаном этой канонерской лодки, «канонерки», как все её звали. Сколько миль за бортом, сколько штормов, ветров, рассветов. Его служба давно стала жизнью, а жизнь службой. На сорок седьмом году дослужился до капитана второго ранга, активно занимался гидрографией, даже сделал несколько небольших географических открытий в Японском, Охотском и Жёлтом морях. Не морской волк, конечно, но в море куда больше интересов, чем на суше.

Он посмотрел вдаль и погрузился в раздумья. Третий день в море. Хорошо бы без шторма сегодня проскочить Корейский пролив, а там напрямик через Японское море к Владивостоку. Это значит, что через два дня он с ней простится

и уже больше ни-ко-гда не увидит. Счастливый настрой тут же испарился, грусть и тоска наполнили все внутреннее пространство в груди. Это какое-то помешательство, в его-то годы. Наваждение случилось с ним, с тем, кто давно душой и сердцем принадлежал ветрам и волнам. Новое чувство опустошило, заставило всё своё родное отодвинуть назад, но в тоже время всколыхнуло что-то из юности, из тех счастливых переживаний, которые захватывают всецело и бескомпромиссно. Он был влюблён, как мальчишка.

2.

А началось все со вчерашней встречи в портовой конторе Чемульпо, куда по распоряжению вице-адмирала Грече необходимо было доставить увесистый запечатанный конверт, посланный вдогонку вышедшему ранее из Порт-Артура крейсеру «Диана». Заодно решили дозагрузиться углём и пресной водой. Команда на берег не сходила, поэтому передать срочный пакет и договориться о пополнении отправились сам капитан, вахтенный начальник Изюмов и пара матросов.

Порт растянулся вдоль побережья бухты, отвоёвывая всё больше и больше пространства на суше, поэтому понадобилось поплутать по маленьким кривым улочкам между деревянными конторскими домиками, прежде чем показалась знакомая вывеска конторы, продублированная на русском языке. У крыльца, развернувшись широкой спиной, стоял грузный морской офицер и что-то громко, подбирая впере-

мешку русские и корейские слова, пытался объяснить маленькому смешному человеку, то ли китайцу, то ли корейцу.

— Честь имею, — громко отрапортовал Анатолий Клавдиевич, подойдя сзади к незнакомцу.

Услышав русскую речь, тот немедля развернулся и уставился на Гинтера с Изюмовым. Несколько раз моргнул, как бы не веря своим глазам, и тут же радостно завопил:

— Анатолий Клавдиевич, дорогой мой, вот уж кого не ожидал тут встретить, — и протянул для рукопожатия огромную мясистую руку.

— Александр Иванович? Вы как тут? — не менее удивлённо, ответил Гинтер. — Уж не на «Диане» ли теперь прописались?

— Теперь на крейсерах, Анатолий Клавдиевич, вместе с капитаном первого ранга Василием Константиновичем Залесским, вот, готовимся к маневрам, — не без гордости сообщил Берлинский.

— Так это значит, тебя мы догоняем на нашем «Сивуче» с депешами адмирала Грече. А ты тут бедного корейца мучаешь, — капитан шутливо кивнул на смешного человека.

— Да я их не разбираю, корейцы, японцы, китайцы — мне они все на одну рожу, — махнул рукой Берлинский. — Как хорошо, что я тебя встретил, Толя. Ты на «Сивуче» сейчас куда курс держишь? — деловито поинтересовался Берлинский.

— Владивосток, пополнимся углём и в путь. Вот, соб-

ственно, и иду договариваться, — капитан показал рукой в сторону конторы.

— Замечательно, — обрадовано начал Александр Иванович. — Прямо гора с плеч, как говорится. Есть у меня к тебе деликатная просьба, — он подошёл поближе и уже тихим голосом продолжил. — Взяли мы в Порт-Артуре на борт барышню одну, ну, знаешь, упросил генерал Стессель, — при этом посмотрел в глаза Гинтеру.

— Барышню на крейсер? — удивлённо переспросил капитан.

— Залесский не смог отказать, она в Порт-Артуре что-то по делам Русско-Китайского банка делала, чья-то родственница, — Берлинский показал пальцем вверх. — Ну, и попросили до Чемульпо доставить. Тут её свои из банка встретить должны были, но, как бывает в трагических романах, — не случилось. А нам она куда, сам подумай. Мы на маневры завтра уходим, а тут баба на борту. В общем, я тут, чтоб пристроить барышню в надёжные руки, а Господь тебя послал, — приветливо похлопал товарища по плечу.

— Саша, я не могу, не по уставу, понимаешь.

— Да понимаю, но не могу же я её тут оставить с этим узкоглазым. Она дама изысканная, не провинциальная, у нас все офицеры на неё заглядывались, про манёвры забыли, — засмеялся Александр Иванович, — пойдём, пойдём, представлю, — крепко приобняв Гинтера, подтолкнул вперед себя к дверям конторы.

Не успев опомниться и что-то возразить товарищу, Анатолий Клавдиевич почти головой открыл хилую конторскую дверь и оказался в маленькой захламлѐнной комнате. У окна на деревянной лавке сидела молодая женщина, на вид двадцати с небольшим лет, в красивом белом платье, изящной шляпке и веером в руках. Острые черты лица, прямой лоб и ровный пробор волос явно свидетельствовали о дворянском происхождении особы. Девушка с любопытством посмотрела на вошедших офицеров.

— Ну, Екатерина Сергеевна, я же говорил, что что-нибудь придумаю, — заискивающе и радостно начал Александр Иванович. — А вот и наш спаситель, вернее, ваш, ну, и нашего крейсера с командой тоже. Знакомьтесь: капитан второго ранга, командир канонерской лодки «Сивуч» Анатолий Клавдиевич Гинтер, мой старый товарищ по Морскому училищу, — и отступил назад, давая даме рассмотреть офицера.

Анатолий Клавдиевич поднёс руку к голове и только тут понял, что после открытия головой двери, фуражка на голове развернулась козырьком на бок. Смутился и неловким движением поправил:

— Честь имею, к вашим услугам, сударыня.

— Анатолий... Клавдиевич, — она встала и подошла ближе, помахивая веером, — похоже, я тут застряла, на вас теперь вся надежда. Александр Иванович, добрейшей души человек, вызвался доставить меня до сюда, но парохода на

Владивосток не оказалось, а через месяц мне надо быть в Петербурге, я пропадаю.

Несколько крупных слезинок скатились по щеке, девушка была готова расплакаться, но взяла себя в руки и наполненными печалью глазами посмотрела на Гинтера. Они встретились взглядами, и в этот момент он уловил лёгкий аромат жасмина с ванилью, настолько лёгкий и утонченный, каких он давно уже не слыхивал со времён кадетских балов в Петербурге. Это был запах юности, первой любви, первой страсти и познания чувств. Былые воспоминания пронеслись в мгновение в его сознании, но никуда не улетели, накрыли его словно туманом. В голове была одна мысль — пусть всё вернётся!

— Вы мне поможете?

Её мягкий приглушённый голос выдернул его из дурмана воспоминаний только для того, чтобы погрузить в мир нахлынувшего чувства. В голове путались мысли. Внутренний голос капитана Гинтера твердил: не по уставу, не по уставу; но он становился всё тише и тише. Он даже попытался повторить за ним, но с губ слетело лишь:

— Да, конечно.

— Как здорово! — она взвизгнула, подступила к нему и с детской непосредственностью поцеловала в щёку.

— Я же говорил, она прелесть, ей невозможно отказать, — шепнул на ухо довольный Александр Иванович. — Jolie¹, как говорят французы.

---

¹ Хорошенькая (французский)

— Mon ami, vous m'embarrassez², — на хорошем французском ответила девушка.

— Ну, если мы обо всем договорились, я вас покидаю, — уже к товарищу обратился Берлинский.

Пока Гинтер собирался с мыслями, а они у него разбрелись в разные стороны и никак не могли собраться воедино, Александр Иванович поцеловал руку барышни и, напевая что-то весёлое на французском, радостный вышел на улицу.

— Берлинский, — строго бросил вслед Анатолий Клавдиевич, но через окно было видно, как тот быстро попрощался с Изюмовым и без оглядки поспешил прочь.

— Я надеюсь, вы, как настоящий офицер и джентльмен, не бросите даму одну в таком забытом месте, — она окинула грустным взглядом маленькую пыльную комнатку.

— Если с погодой повезёт, то через три дня будем во Владивостоке, — деловым капитанским голосом ответил Гинтер.

Однако в голове мысли были совсем не в деловом порядке: что я скажу команде и офицерам? Сходил на берег за углём и пресной водичкой, а привёл мадмуазель. Дожил, Толя, на старости лет. Берлинский, конечно, молодец: подставил, так подставил. Тьфу, развёл меня, как мальчишку, сейчас, наверное, бежит, радуется, будет Залесскому вечером в кают-компании рассказывать за стаканчиком бренди.

— Анатолий Клавдиевич, — девушка тихонько потрясла

---

² Мой друг, вы меня смущаете (французский)

капитана за руку. — Я тихо-тихо все три дня буду сидеть в каюте, никто и не заметит, — при этом так нежно и умоляюще посмотрела в глаза капитану, что ему захотелось обнять её и поцеловать.

Что за наваждение, он её даже не знает, а в мыслях уже готов на всё. Через три дня ему самому надо быть с важным секретным докладом, а тут такое. Надо покурить и успокоиться.

— Сергей Николаевич, — он громко позвал Изюмова в приоткрытую дверь, — разберитесь тут с бумагами на уголь и воду.

Вахтенный начальник вошёл в комнату и с любопытством посмотрел на девушку, поздоровался и учтиво добавил:

— Мадмуазель, вы находка для художника. Я, кстати, недурно рисую.

Она от неожиданности даже вздрогнула, а капитану от этого взгляда стало не по себе. Вот так на неё будут смотреть сто тридцать пар глаз, когда она зайдёт на борт «Сивуча». Мотнул головой, как бы говоря что-то себе, и вышел на улицу. Маленький кореец прошмыгнул около него на своё рабочее место. Через несколько мгновений следом вышла она с небольшим аккуратным чемоданом в руках. Гинтер учтиво взял чемодан, он на удивление оказался довольно тяжёлым.

— Пойдёмте, Сергей Николаевич нагонит нас по дороге, — деликатно подхватила его под руку.

— Екатерина Сергеевна, бога ради прошу меня простить,

но мы с вами идём на боевой корабль, могу ли я взглянуть на ваши документы? Ещё раз прошу меня простить за бестактность, — пересилив себя, вымолвил Гинтер.

— Отчего же простить, Анатолий Клавдиевич, я всё понимаю, и времена беспокойные, и не знакомы мы вовсе пока, — она особенно выделила последнее и посмотрела ему в глаза. Порылась в кармашке чемодана, который учтиво приподнял капитан, достала новенький паспорт и протянула Гинтеру:

— Извольте, моя паспортная книжка.

Анатолий Клавдиевич раскрыл книжку: новенькие не затёртые страницы, ещё пахнущие печатным станком, какое милое лицо на фотографии — нечасто на паспорта получают такие удачные карточки. Владелец книжки — Ухтомская Екатерина Сергеевна, звание — дочь дворянина, время рождения — 1 июля 1881 года, вероисповедание — православное, место постоянного жительства — Санкт-Петербург, незамужняя! Значит ей всего 22 годочка.

— Ещё раз простите, — с извиняющейся улыбкой протянул паспорт обратно, — по уставу я должен был всё сверить.

— Ну, теперь, когда все неловкие формальности позади, мы можем смело идти на ваш славный «Сивуч» под командованием капитана — спасителя целого крейсера и одной хрупкой беззащитной девушки, — она улыбнулась и подала руку.

— Пойдёмте, — с легкостью подхватил чемодан, давая взять себя под руку. — Мадмуазель, не найдите меня слишком любопытным, фамилия Ухтомских довольно известная

в Петербурге, что вас сюда привело, на край земли?

— Вы правы, Ухтомский Эспер Эсперович, председатель правления банка — мой родной дядя, а тут я потому, что как-то несколько месяцев назад сказала ему, что в банковской работе, на которую он меня определил после окончания Императорского университета, совсем нет романтики. Вот так я поехала искать романтику на Дальний Восток и добралась аж до самой восточной точки империи — Порт-Артура. Но оказалось, что добраться куда легче, чем выбраться, — засмеялась и посмотрела на него.

— Ну, и как, нашли романтику? — подыгрывая её интонации, спросил Гинтер.

— А моё путешествие ещё не закончилось, — они опять встретились взглядами, и она задержала его дольше обычного.

От этого взгляда Анатолий Клавдиевич даже смутился, но быстро взял себя в руки. Ты с ней флиртуешь, Толя? Куда тебя несёт. Вот, что значит, давно не был на берегу.

Тем временем дорога взяла под уклон, поэтому шагать было легко, да и до моря оставалось совсем близко. Огибая очередной склад, Гинтер заметил двух смуглых японских матросов, они суетливо озирались, пристроились вслед и что-то негромко обсуждали на своём языке. Екатерина тоже обратила на них внимание.

— Анатолий Клавдиевич, а вы слышали, что поговаривают про войну с Японией, если не в этом, то в следующем го-

ду наверняка. Весь Порт-Артур укрепления роет, пушки с боеприпасами таскают, а на флоте что говорят?

— Мы люди служивые, воюем по приказу. Нам бы Цусиму завтра проскочить до войны, — с улыбкой посмотрел на девушку.

— Что-то тут не то, — она обеспокоенно оглядывалась по сторонам. — У вас есть при себе оружие? Будьте наготове.

Свободной рукой Гинтер нащупал в кармане рукоятку нагана. После нескольких случаев нападения на русских офицеров в заграничных портах, вышло указание командования флотом в обязательном порядке иметь при себе оружие. Сзади слышались крики, Екатерина одернула руку и оглянулась назад:

— Осторожнее, у него нож!

Гинтер развернулся и достал из кармана револьвер. Японец с ножом стремительно приближался, сзади его догонял товарищ, оставалось каких-то пять-шесть метров. Капитан спокойно прицелился и был готов нажать на курок. В этот момент тот, что был позади, крикнул товарищу, и они, как вкопанные, остановились на месте. Шли секунды, противники неподвижно смотрели в глаза друг другу, готовые к схватке. Второй японец что-то сказал командным тоном, и они оба, показывая ладони, попятились назад. Капитан продолжал держать их на мушке. После того, как они исчезли за углом, Гинтер опустил пистолет и выдохнул:

— Совсем распоясалась японская матросня, — посмотрел

на девушку. На удивление, та была спокойна и невозмутима. — А вы молодец какая, вовремя их заметили, а то, вон что задумали среди бела дня. С вами теперь можно хоть куда, как у вас так получилось?

— Наверное, женская интуиция или шестое чувство. Если честно, я очень испугалась, пойдёмте отсюда быстрее. Или, может, мы дождёмся Изюмова и предупредим его?

— Кому-кому, а Сергею Николаевичу наша помощь точно ни к чему. Он таких на раз урезонит, я видел его в деле. Пойдёмте лучше на корабль, вон он в гавани на якоре, — он наклонился к ней и показал рукой в сторону моря. — Тот, что поменьше, наш, а «Диану», я думаю, вы теперь хорошо запомнили.

— Я корабли различаю по количеству мачт и труб.

— Ну, это уже неплохо для женщины, которая ищет романтики.

— Анатолий Клавдиевич, я, наверное, зря вам открылась, вы теперь смеётесь надо мной, а мне от этого очень печально.

— Ни в коем разе, Екатерина Сергеевна, я, может, эту романтику ищу уже сорок семь лет моей жизни, во всех уголках Земли.

— Тогда давайте искать вместе, — и она пристально посмотрела в его глаза.

Удивительная женщина, подумал Гинтер. Пять минут назад на неё бежал сумасшедший японец с длинным ножом, а она шутит и, похоже, заигрывает со мной. Что это? Безобид-

ный флирт? Желание угодить или всё-таки какие-то чувства... Чувства? С какой стати, к нему, они знакомы пять минут и уже чувства. Но ведь бывают встречи, и они именно такие, неожиданные, случайные, при странных обстоятельствах. Ведь всё сходится.

До последнего времени, пока он с головой не ушёл в работу, он бывал на офицерских собраниях, общался с женщинами. Не сказать, что был очень популярен у дам, но и знакомств особых не искал. А вот встретить одну единственную не получилось. Нет, он, конечно, был женат, две дочери росли на большой земле, писали отцу, а с бывшей супругой не сложилось: не смогла разделить его со службой и морем. Он предпринимал попытки наладить отношения, но все начинания заканчивались провалами. Связи с другими женщинами были случайны и мимолётны. И сейчас в сердце вдруг затеплилась надежда: а вдруг это она.

В раздумьях он и не заметил, как они подошли к причалу и только тут почувствовал, что держит её руку в своей и даже удивился, что так получилось. Екатерина шла рядом с невозмутимым видом. Морской бриз развевал красивые локоны, выглядывающие из-под шляпки, а подол платья под силой ветра бесстыдно облегал всю её фигуру.

Как всё-таки она красива и изящна! Прав Берлинский, ей нельзя отказать. Интересно, с Залесским она также любезничала, чтобы попасть на корабль? И он тут же почувствовал к капитану «Дианы» какую-то внутреннюю неприязнь. Он,

наверное, водил её по крейсеру на экскурсию. Как же, новейший корабль, есть чем удивить, приобнимал её, подавал руку, когда она спускалась по трапам и лестницам. Погоди, погоди, Толя, ты её уже ревнуешь? Так не пойдёт. Усилием воли заставил себя переключиться от раздумий, тем более на причале их уже встречали матросы.

Удивлённые и поражённые они уставились на девушку, как на невиданное чудо.

— Ну, чего пялишься, — капитан грубо окрикнул одного из матросов и отдал чемодан, — на, держи, аккуратнее.

Девушка укоризненно посмотрела на него, и Гинтеру стало стыдно за свою несдержанность.

— Простите, Екатерина Сергеевна, хорошего французского на «Сивуче» не сыскать.

— Анатолий Клавдиевич, я же не из института благородных девиц приехала. За два месяца пребывания в Порт-Артуре такую школу жизни прошла, — и показала указательным пальцем вверх.

— Даже не знаю, как могут отразиться такие испытания на вас.

— Самым наилучшим образом, — засмеялась она, — петербургские подружки меня теперь не узнают, когда услышат, чего я тут понабралась, — продолжила девушка, усаживаясь в лодке.

— Ваше высокоблагородие, будем-с кого ещё ждать?

— Давай отчаливай, за Изюмовым обратно вернёшься, а то

обед пропустим.

Оба матроса сели за весла и дружно в такт начали грести прочь от пирса, капитан изредка негромко указывал на какую сторону навалиться. Екатерина сидела на носу и смотрела на приближающийся «Сивуч», иногда она слегка улыбалась, вспоминая какие-то смешные моменты. Гинтер украдкой посматривал на неё: её правильный профиль, развевающиеся волосы и лёгкая загадочная улыбка — всё вместе или что-то по отдельности настолько заворожило его, что он напрочь забыл про управление шлюпкой. Теперь они уже не приближались к «Сивучу», а шли параллельным курсом напрямую к «Диане».

— Анатолий Клавдиевич, вы, видимо, решили вернуть меня Берлинскому, — девушка засмеялась и показала рукой на крейсер.

— Тьфу ты, — негромко выругался капитан, — поднажми, ребята, левым, а то ещё немного и обратно поплывём.

— А можно я попробую давать команды? — с какими-то детскими интонациями спросила Екатерина.

— Ну, попробуйте, — восхищаясь её непосредственностью, ответил Гинтер. — Держите вот этим курсом, — он наклонился к ней, немного обхватив за плечи, чтобы точно указать направление.

В этот момент она вместо того, чтобы следить за его рукой, повернулась к нему и почти в упор посмотрела на него. От неожиданности капитан опустил глаза, и взгляд невольно

скользнул на полуоткрытые губы, затем нежную кожу шеи, а затем на грудь, хорошо угадывающуюся под лёгкой тканью. Поймав себя на мысли, что ведёт себя совсем неприлично, пересилил себя и попытался вновь сказать про курс. Голос предательски дрогнул, поэтому слова превратились в какую-то кашу. Екатерина прыснула от смеха:

— Анатолий Клавдиевич, вы, право, делаете всё, чтоб мы не доплыли. Садитесь, я попробую сделать сама. А ну, ребята-тушки, навались на левый борт.

Матросы обернулись и с интересом посмотрели на нового капитана, а Гинтер уже смотрел на неё с нескрываемым восторгом.

Когда до корабля осталась сотня метров, он усадил даму и начал рассказывать:

— Наша канонерка «Сивуч» была спущена на воду 21 июля 1884 года в Швеции, вам тогда было всего три годика.

— Какой вы внимательный, Анатолий Клавдиевич, неприлично указывать на возраст дамы.

— В вашем случае это простительно, Екатерина Сергеевна, так как и возраста, собственно, пока нет. Так вот, — продолжил он ранее начатую мысль, — изначально лодка была сделана с парусной оснасткой брига, которую впоследствии заменили на три лёгких мачты. Я не очень скучно рассказываю? — он с ожиданием посмотрел на неё.

— Что вы, что вы, продолжайте. Я знаю, каждый капитан любит рассказывать про свой корабль, правда, все по-

разному воспринимают его: кто-то родным ребёнком, кто-то любимой женщиной, кто-то непокорной девицей. Залесский, вон, называет ласточкой. А вы как?

— А я каждый раз влюбляюсь в корабль, на котором служу, причём, с каждым новым кораблём все сильнее и сильнее, — улыбнулся и посмотрел на девушку.

— Так вы непостоянный мужчина, у вас легко украсть сердце, — она вновь заглянула к нему в глаза и задержала взгляд.

— Сердце моряка предано морю, сударыня. Так вот, длина канонерки шестьдесят метров, а полное водоизмещение порядка 1180 тонн. Я понимаю, что после «Дианы» вас не впечатлить ничем, — немного укоризненно сказал капитан.

— Женщина восхищается не трубами, тоннами воды или пушками, а самым командиром, уж такова наша природа, — с лёгким вздохом ответила девушка.

Тем временем шлюпка подошла к правому борту канонерки ближе к корме. Один из матросов накинул веревку на крюк спущенного трапа:

— Ваше высокоблагородие, можно сходить.

Гинтер поддержал девушку, помогая ей забраться на нижние ступеньки трапа, взял чемодан, развернулся и только тут понял неловкость сложившейся ситуации. Поднимаясь вслед за Екатериной, он буквально упирался лицом в её округлости под тонким платьем. Он посмотрел вверх на борт и увидел улыбающихся матросов, с любопытством наблюдающих

за происходящим. Для приличия он отвернулся и стал рассматривать уплывающую шляпку, а потом себе под ноги.

— Капитан на корабле, — послышалась звучная команда на палубе.

У трапа встречал вахтенный офицер Алексеев:

— Господин капитан второго ранга, в ваше отсутствие происшествий на корабле не было. Вахтенный офицер, лейтенант Алексеев.

— Вольно, Степан Никитич, вот, встречайте гостью, — немного смущённо ответил Гинтер, — Екатерина Сергеевна Ухтомская, — представил девушку капитан. — Поставлена задача доставить её во Владивосток, — голос стал твёрже и увереннее. — Отведите барышню пока в мою каюту, надо подумать, где её разместить. Да, и пусть накрывают обед в кают-компани.

Капитан чувствовал себя явно не в своей тарелке, такого за его службу ещё не было. Казалось, что даже матросы как-то странно на него смотрят, улыбаясь глазами: мол, понимаем, ваше высокоблагородие, ничто человеческое не чуждо. Как неудобно перед командой, а за обедом ещё нужно будет объясняться с офицерами. Чтобы отогнать мысли и занять себя делом, он поднялся на мостик. Там старший офицер Иван Иванович Чапин раздавал поручения.

— Выйди! — грозно скомандовал Гинтер дежурному матросу. — Ну, Иван Иванович, видел, какую гостью я привёл на корабль?

— Немало удивлён, Анатолий Клавдиевич. Полагаю, есть объяснения. Когда снимаемся с якоря?

— Все расскажу за обедом, странное дело, ну, да ладно. Снимаемся к вечеру, после дозагрузки углём. Пойду я, Иван Иванович.

Странное чувство, раздумывал капитан, я себя неудобно чувствую на собственном корабле из-за незнакомой мне женщине. Хотя, такая уж она теперь незнакомая? Появилось ощущение, что они знакомы давным-давно, долго не виделись, а теперь не могут друг на друга насмотреться. Хочется просто стоять с ней рядом, что-то говорить, вдыхать её ванильный аромат и ни о чём больше не думать. Главное, команде не дать повода для разговоров, надо себя держать в руках.

Спустился с верхней палубы на нижнюю, непривычно остановился перед дверью своей каюты и легонько постучал.

— Да-да, войдите, — раздался звонкий приятный голос.

Капитан открыл дверь. Гостья переоделась в лёгкое бежевое платье, успела закрепить волосы в аккуратную копну. Обернулась, чтобы рассмотреть, кто вошёл, увидела Гинтера и устремилась к нему с распростёртыми объятиями:

— Дорогой, Анатолий Клавдиевич, чтобы я без вас делала, вы меня просто спасли, — легко обняла его и склонила голову на плечо.

Теперь он мог досконально рассмотреть её аккуратное ушко с золотой серёжкой и небольшим камнем, её белую

шею и полоску загара от прежнего платья. Ужасно захотелось целовать щёку, мочку уха, лопатку, всё, что теперь подавалось его взгляду. Туман вновь овладел им, мысли разбегались. Пауза затянулась, поэтому надо было что-то предпринять:

— Екатерина...Сергеевна, право, ничего особенного, я к вашим услугам...

Она подняла голову и заглянула в его глаза, губы раскрылись для поцелуя. Он уже наклонил голову... В этот момент в дверь постучали:

— Ваше высокоблагородие, обед подан, господа офицеры собрались.

Капитан как бы очнулся, резко развернулся и по пути к двери ответил:

— Идём, идём. Екатерина Сергеевна, вы готовы?

— Да, мой капитан, — она кокетливо улыбнулась.

Как она раскованно ведёт себя, в её-то годы. Похоже, она уже почувствовала власть над ним. Толя, тобой крутит двадцатилетняя девица, которую ты повстречал три часа назад, в богом забытом корейском порту. Но почему нет, почему он не заслужил немного счастья, вот так, вдруг свалившегося на него. Большое секретное дело удачно завершено. Полгода кропотливых трудов, впереди похвалы, награды, а возможно, и новые звания, должности, корабли. Его паруса наполнены ветром, попутным ветром государевой службы, а теперь ещё древний японский бог ветра Фудзин наполнил паруса люб-

ви. Не это ли и есть земное счастье, у каждого своё, короткое, яркое и запоминающееся. Тогда зачем противиться, если оно само идёт к тебе в руки — бери и наслаждайся, Толя.

— Добро пожаловать, Екатерина Сергеевна, в нашу уют-компанию, — он специально громко это сказал, чтобы привлечь внимание собравшихся офицеров. — Господа, позвольте вам представить нашу гостью — Екатерина Сергеевна Ухтомская. По большой просьбе генерала Стесселя, нам поручено доставить Екатерину Сергеевну до Владивостока. Прошу за время нашего путешествия быть учтивыми и гостеприимными, оказать внимание и добродушие барышне. Ну-с, Екатерина Сергеевна, позвольте представить вам наших офицеров: Чапин Иван Иванович, старший офицер, — капитан рукой показал на высокого стройного мужчину в белом кителе средних лет, тот в ответ встал и кивнул головой:

— К вашим услугам, сударыня.

— Рядом с ним — молодой офицер, мичман Сергей Михайлович Михайлов. Чуть поодаль — вахтенный начальник, мичман Александр Алексеевич Карнильев. Давайте, Екатерина Сергеевна, сядем за стол, и я продолжу знакомить вас с командой.

— Благодарю вас, Анатолий Клавдиевич, ещё раз спасибо и вам и команде за помощь мне.

Пока дежурный матрос накрывал на стол, Гинтер представил всех присутствующих офицеров и распорядился по поводу гостыи подать шампанского, что было горячо поддержа-

но командой.

После обеда мужчины закурили, обсуждая детали сегодняшнего похода, Гинтер старался лишней раз не обращать внимания на девушку, но то и дело посматривал на неё, порой, отвлекаясь от того или иного разговора. Екатерина Сергеевна подошла к молодому мичману Михайлову, который расположился в углу за фортепиано, пробегая пальцами по клавишам.

— Вы играете? — поинтересовался он у Екатерины.

— Если вспомню.

— Мадмуазель, эти клавиши ни разу не чувствовали женских пальцев, как и многое в этой кают-компании, включая и меня, — он с любопытством посмотрел на неё.

— Думаю, до Владивостока так всё и останется, — улыбнулась она в ответ.

— Сыграйте, Екатерина Сергеевна, уважьте нашу компанию, — подхватил услышавший разговор судовой доктор Никольский.

Девушка села за инструмент и начала играть. Несмотря на то, что фортепиано было изрядно расстроено, исполнение было ладное и завораживающее. После окончания послышались крики «браво».

— Что вы играли, я никогда это не слышал? — поинтересовался доктор.

— Это молодой московский композитор Сергей Рахманинов.

— Прелестно, — разродился похвалой стоявший рядом Михайлов.

Ну вот, облепили со всех сторон, как и следовало ожидать, а этот Михайлов так и вьётся около, заигрывает. А она улыбается ему в ответ. Конечно, молодой, красивый. Почему ты злишься, Толя? Михайлов хороший парень, достойный офицер. Ты сам её привёл сюда, познакомил со всеми, просил быть радушными, а теперь злишься. В этот момент Екатерина нашла глазами капитана и улыбнулась ему, приветливо помахала рукой. Он машинально уже хотел помахать в ответ, но одумался и сухо кивнул головой.

Вернулся Изюмов и сообщил, что подошли баркасы с углём, можно начинать погрузку. Девушка попросилась посмотреть на палубу.

Баркасы подходили с левого борта, мешки с углём поднимали лебёдками на палубу, а затем ссыпали в угольный трюм. За три часа управились, благо трюм был не полностью опустошён, а путь до Владивостока не столь далёким.

«Диана» снялась с якоря, отсемафорила на прощание и скрылась из виду. Екатерина на это даже не обратила внимания, сейчас она была вся увлечена экскурсией по кораблю.

— Вот тут самое большое орудие на корабле — 229 миллиметров, — капитан показал на носовую пушку. По огневой мощи «Сивучу», конечно, далеко до крейсера, но после доработки у нас теперь тринадцать орудий. Пойдёмте, я покажу вам машинное отделение.

Они спустились в трюм, Гинтер учтиво поддерживал девушку под руку. Как же было приятно проводить экскурсию, мешали только матросы, которые высовывались из всех щелей, чтобы поглазеть на «подругу капитана».

— А здесь две паровые машины с шестью котлами. Общая выдаваемая мощность больше тысячи ста лошадиных сил.

Неожиданно из-за угла вынырнул чумазый кочегар, встал с открытым ртом, глядя на Екатерину:

— Est mignonne³.

— Vous parlez français⁴? — вздрогнула и удивлённо спросила девушка.

— Я не силён, барышня, в ихнем языке, — промычал в ответ кочегар и прошмыгнул в открытую дверь.

— Во истину у вас тут чудеса, Анатолий Клавдиевич, — обратилась она уже к капитану.

---

³ Милочка (французский)

⁴ Вы говорите по-французски? (французский)

Хотя погрузка угля и была малотоннажной, но чёрная пыль осела повсюду. Матросы бегали и ветошью протирали поручни и ручки, палубу начали драить. Красивые бежевые туфли барышни и подол изящного платья также покрылись серым налётом.

— Екатерина Сергеевна, если мы с вами не поднимемся на мостик, вы будете выглядеть как тот кочегар, которого мы только что повстречали, — пошутил капитан.

— Лицо цвета антрацит мне не пойдёт? — улыбнулась она и повернулась к нему в ожидании ответа.

Гинтер взял её руку, помогая спуститься с лестницы, и, не отпуская, ответил:

— Вашу красоту не спрятать даже под слоем самого хорошего кардифа, — не сдержавшись, он поцеловал тонкие белые пальцы.

— Вы очень любезны, Анатоль, — немного смутилась она. Как она покраснела после моих слов и впервые назвала меня по имени. Неужели у меня есть шанс?

После этого, оба, чувствуя какое-то детское смущение, без лишних слов поднялись на палубу. Старший офицер доложил о готовности отплытия и, получив одобрение капитана, привычно крикнул матросам на носу:

— Поднять якорь!

Заработала машина, послышался лязг тяжёлой цепи и звучный всплеск воды от поднимаемого чугунного исполина.

— А это правда, что корабли иногда теряют якоря? — поинтересовалась она у Гинтера.

— Ну, теряют не корабли, а бестолковая команда, — с пониманием ответил капитан.

— И как дальше плывут, без якоря?

— Потеря якоря — это серьёзное происшествие. Если глубина позволяет, то водолазы ищут и цепляют якорь, его достают и закольцовывают вновь. Без якоря на корабле нельзя, особенно на военном. Ну-с, пойдёмте на мостик. Бухта Чемульпо довольно красивая. Вон там, — капитан указал рукой, — за маленькими островами Роллес пролив Летучей рыбы. Опытный мичман сможет провести по карте глубин через пролив даже крейсер. Но мы пройдем основным фарватером.

— Почему? На «Сивуче» нет хорошего мичмана?

— Мичманы у нас ого-го, такие карты рисуют, каких ни у кого нет, — довольно улыбнулся Гинтер. — Но риск должен быть оправдан, а то до Владивостока можно и не успеть.

Аккуратно огибая невидимые отмели, корабль уходил всё дальше и дальше в открытое море, солнце почти село за горизонт, но под его прощальными лучами ещё кое-где сверкали гребни убегающих волн. Ночь ожидалась тёплая и спокойная. На мостик явился вестовой и деликатно покашлял сзади.

— Ну, чего тебе, Тихон? — немного раздражённо, по-барски спросил капитан?

— Ваше высокоблагородие, ужин накрыт, офицеры собрались в кают-компания, ждут-с вас.

— Так хорошо тут стоять и смотреть на море и уходящее солнце. На душе спокойно и умиротворённо, знать, что рядом настоящий сильный мужчина, способный защитить и

помочь, — она повернулась к нему и посмотрела в глаза. — Мне ещё раз хочется вас поблагодарить. Не знаю, что бы я сейчас делала, не появись вы в моей жизни.

— Ну что вы, Екатерина Сергеевна, не стоит меня так благодарить за то, что на моём месте сделал бы каждый.

Она помотала головой и приложила палец к его губам, как бы показывая, что бы он замолчал.

— Вся эта история нашей встречи, сегодняшней вечер, этот тёплый бриз, тысяча сто лошадей в ваших котлах — это всё для меня какое-то волшебство, какая-то чудесная сказка, которая легко могла и не случиться, но случилась для того, чтобы мы её с вами прожили.

— Екатерина Сергеевна, вы, право, меня растрогали, я переполнен чувствами, — он взял её руку и поцеловал.

— Но есть, Анатолий Клавдиевич, у меня одно чувство, которое не даёт мне покоя, — она сделала паузу.

Капитан внимательно посмотрел на неё в ожидании продолжения.

— Я так проголодалась, как будто не ела уже три дня.

— Да, конечно, простите меня, и команда нас ждёт, пойдёмте, — с лёгким разочарованием в голосе ответил Гинтер.

Пока спускались вниз, мысли одна за другой проносились в голове капитана. Как ловко перевела тему, когда он уже готов был ей признаться. Зачем??? Не захотела его поставить в неудобное положение, потому что ничего не могла сказать в ответ. Зачем тогда эти разговоры про эту историю, которую

мы должны прожить вместе. Может я себе что-то напридумывал, а она просто благодарный и учтивый гость перед хозяином дома. Но зачем она так смотрит в глаза, приближается, намекает на что-то? Вот уж истину говорили мудрецы: женщину познать невозможно.

— Господа офицеры, прошу рассаживаться, — громко и уверенно оповестил капитан, пропуская даму вперёд.

Все взгляды вновь были прикованы к девушке. Тут же, протиснувшись между товарищами, к Екатерине подошёл мичман Михайлов:

— Екатерина Сергеевна, разрешите выразить вам моё восхищение, — при этом изящно поцеловал руку.

Опять этот мальчишка с любезностями, так и вьётся около неё. С другой стороны, он не женат, она не замужем, не ровня, конечно, но чем бог не шутит. Вся команда знает, что у меня жена, дети, приличные года, какие уж тут чувства. Она ему отвечает, смеётся над его шутками, со стороны — красивая пара молодых озорных людей, у которых всё впереди. Но за непринуждённой беседой, она нет да нет посмотрит на него, встретится взглядами и еле заметно подмигнёт, как бы говоря: не унывай, я с тобой.

Гостью посадили рядом с капитаном. Повар этим вечером особенно расстарался, приготовил жаркое из ягнёнка, офицеры пили коньяк, а дама шампанское. Причём недурно пила, что Гинтер начал даже беспокоиться. Но после третьего бокала вторая половина бутылки практически не убывала.

После ужина остались курить, политические темы не приветствовались в кают-компании, поэтому заговорили о возможной войне с Японией.

— Вы думаете японцы могут начать войну с нами? — присоединилась к разговору офицеров девушка.

— У нас достаточно сил на море: большая группировка кораблей в Порт-Артуре, новые крейсера во Владивостоке, целая эскадра на Балтике, — убедительно отвечал старший офицер Чапин.

— Эскадре с Балтики полгода к нам идти, не думаю, что японцы будут их дожидаться, — оппонировал мичман Стогов.

— Какая Россия, — Чапин широко развёл руки, — и какая Япония, два дюйма на карте.

— Иван Иванович, не забывайте, что японцев поддерживает Англия с её верфями, там сейчас два новых крейсера на выходе, — возражал мичман.

— Утрём нос и англичанам, французы нейтральны, немцы нам обещали помощь.

Гинтер удивился, с каким интересом слушала и участвовала в этой повседневной офицерской беседе Екатерина. Вот уж не подумаешь, что девушку в двадцать лет может такое заинтересовать. Иногда она задавала по-настоящему дельные вопросы, и мужчины начинали с жаром спорить, уже не замечая спросившего.

— Анатолий Клавдиевич, у вас всегда так интересно в ка-

ют-компании?

— Право слово, Екатерина Сергеевна, я даже не знаю, что здесь может быть интересного для такой юной особы, как вы, но я рад за себя и за команду, — не без удовольствия ответил капитан.

— Почему мы с вами не встретились раньше, в Порт-Артуре? Я там провела столько никчёмных вечеров, а у вас тут так интересно.

— Мы практически не сходили на берег, выполняли важное задание.

— Как интересно, расскажите... это, наверное, что-то очень значимое и таинственное, я обожаю такие истории.

— Ничего такого, что вы себе навоображали, занимались оценкой обозначения фарватеров в ночное время суток, — спокойно и незаинтересованно ответил он.

— Мне кажется, что вы такой человек, с которым в жизни происходило множество интересных случаев, а вы из них непременно выходили победителем. Поэтому вы всегда такой спокойный, уверенный в себе мужчина, готовый удивлять и восхищать собой.

— Милая Екатерина Сергеевна, да тут каждый офицер расскажет вам сотню таких историй, за исключением уж совсем молодых, — в этот момент он почему-то подумал про мичмана Михайлова.

— Мне не нужны истории любого офицера, мне нужна история самого достойного, — и она опять задержала свой

взгляд на его глазах.

— Вы играете с огнём, Катя, если вы себе столько навоображали обо мне, то вы не представляете, сколько я навоображал себе о вас, — с придыханием прошептал Гинтер почти в ухо.

— Ваш огонь обжигает мои угольки, мой капитан, а горят они пожарче лучшего кардифа, — красиво развернулась и, держа его взгляд своими глазами, вышла за двери кают-компании.

В этот момент Гинтер понял, что у него горит лицо и немного дрожит правая рука, а сердце так и норовит выпрыгнуть из груди. Он обернулся посмотреть, не заметил ли кто его волнения, но все офицеры были заняты шумными спорами, шутками, под потолком висели накопившиеся клубы папиросного дыма. Один лишь Михайлов бросил на него короткий взгляд, слегка усмехнулся, как ему показалось, и продолжил разговор с Изюмовым.

Сейчас или никогда, подумал он про себя. Если выгонит, ну что такого, бывало и так, когда женщины отказывали. Отчего же так волнительно, совсем голову потерял.

Он подошёл к столу, взял раскрытую бутылку коньяка, налил полстакана, и чтобы никто не увидел, как он пьёт один, обратился к присутствующим:

— Господа, у меня есть тост, — все с удивлением посмотрели на капитана, на его стакан. — За российский флот и за наши победы!

— Неожиданно, но всегда актуально, — где-то в глубине кают-компаний нечаянно вслух высказался доктор.

Все придвинулись к столу за своими бокалами, а Гинтер, не дожидаясь чоканья, выпил залпом коньяк, пожелал всем хорошего вечера и вышел вон.

Спустился на нижнюю палубу, заглянул к себе в каюту посмотреть в зеркало. После коньяка особенно хорош, а седина, как дорогая патина.

— До утра свободен, — негромко скомандовал вестовому, дождался пока тот уйдёт и постучался в соседнюю каюту.

— Да-да, открыто, — раздался тихий приятный голос.

Гинтер украдкой оглянулся по сторонам и неуверенно зашёл внутрь.

Она стояла к нему спиной, вглядываясь в тёмное стекло иллюминатора, свет в каюте был приглушён. Ловким движением распустила волосы, встряхнула головой. Он подошёл сзади, осторожно положил руки на плечи, наклонился к её щеке. Она прильнула к нему, повернула голову, и они встретились раскрытыми губами. Первое касание губ, а потом он с силой развернул её, одной рукой крепко притянул к себе, а другой рукой начал гладить по нежной коже шеи. Не заканчивая поцелуя, он расстегнул платье, и его нетерпеливые руки скользнули по всему телу, изучая каждый её сантиметр. Запахи ванили, морской соли вперемешку с угольной пылью возбуждали не менее, чем упругое молодое тело. Кажалось, ими был наполнен каждый клочок воздуха в каюте.

Мир извне не существовал в ту минуту, были лишь он и она, и безмерное счастье. Она быстро взяла инициативу в свои руки, и от этого мир вокруг Гинтера растворился совсем. Не было ни узкой койки, тесноты и духоты каюты, плавной качки, самого крейсера не существовало. Была лишь она, её возбуждённое тело, горячее дыхание и приглушённые стоны.

После неистовой кульминации, оба молча лежали в постели, Гинтер закурил, она тоже попросила папиросу.

— Это какое-то наваждение, со мной такое впервые, ты необыкновенная женщина. Я думал, что уже не способен на такие безумства.

— Да тут ещё запас ого-го, — засмеялась она и отложила недокуренную папиросу.

— Катя, мне надо собираться, а то, случись что, будут искать капитана.

— Нет, сегодня ты только мой капитан, никуда тебя не отпущу, я так ждала этого. Твои помощники справятся.

Ближе к утру Гинтер тихонько оделся, белый свет раннего утра сочился из иллюминатора, освещая обнажённую фигуру, слегка прикрытую измятой простынёю.

Как же она красива и незащищена сейчас, её девичья грудь, маленький аккуратный живот, тёмные завитушки волос ниже. Так молода и умела в любовных делах. Поразительная женщина. И все это счастье вдруг досталось ему, где-то в морях на краю света. Неисповедимы пути Господни, хотя, может, это уже промыслы и не божественные.

Тихонько приоткрыл дверь и выглянул в коридор: никого, все ещё спят. Быстро открыл капитанскую каюту и шмыгнул туда.

С вечера дверь забыл закрыть, совсем голову потерял, Толя. Пора собраться, размышлял он про себя. Спать совсем не хотелось, поэтому он лёг на койку не раздеваясь, закурил. Как на неё смотреть утром в кают-компании, как будто ничего и не было? Уж господа офицеры точно будут приглядываться к ним. Оставить всё в прошлом и забыть произошедшее, извиниться перед ней при случае. За что? За то, что не совладал с чувствами — это как-то по-мальчишески. Да уж, неприглядная история для офицера русского флота, мужа и отца. Скверно, но от воспоминаний деталей ночи мутилось в голове и по телу растекалось блаженство. Что произошло, то и произошло, успокоил он себя. Ветер и волны направят эти отношения в нужную сторону, отдайся им, так всегда говорили опытные моряки в сложных ситуациях. Через два дня они расстанутся и больше, скорее всего, уже никогда не встретятся, поэтому их тайна останется их тайной. Осталось всего два дня! Эта мысль впервые напугала его. Посмотрел на часы — до подъема ещё 30 минут. Нет, уж лучше туда — на палубу от этих мыслей.

3.

Несмотря на бессонную ночь, Гинтер на мостике чувствовал небывалый прилив энергии, как будто пару десятков лет

смыло волной с его плеч. До завтрака успел побывать с обходом в машинном и кочегарном отделениях, крьюйт-камере, жилых трюмах. Сонные матросы удивлялись неожиданному утреннему появлению капитана. Ближе к восьми утра вестовой позвал на завтрак. Через усилие заставил себя задержаться на мостике, давая собраться в кают-компании офицерам.

— Господа офицеры, прошу рассаживаться, — весело и добро поприветствовал капитан присутствующих в кают-компании, оглядел помещение и не нашёл Её. Сделал вид, что ничего не произошло. Когда все расселись и начали кушать, как бы невзначай поинтересовался у вестового:

— Тихон, а Екатерину Сергеевну приглашали к завтраку?

— Так точно, вашвысокобродь. Сказались, что ночная качка их очень разбила и Екатерина Сергеевна будет позже.

— Что за качка? Давно такого штиля не было на море, — слышались смешки между офицерами.

В этот момент Гинтеру показалось, что весь корабль уже знает об их ночи, ему стало стыдно и неудобно перед командой. Взяв себя в руки, как ни в чем ни бывало сказал:

— Это ещё раз доказывает, что море и женщины — вещи несовместимые.

Хотя в голове были совсем другие мысли. Почему не вышла? Сожалеет о случившемся? Не хочет его видеть? А может просто не выпалась. Заряд хорошего настроения стал иссякать. Капитан односложно отвечал на дежурные вопро-

сы, и вскоре команда поняла, что пока к нему лучше не приставать.

После завтрака началась обычная жизнь корабля со своими проблемами и заботами. Гинтер отдавал распоряжения с мостика, втайне ожидая появления Екатерины. Время начало ужасно медленно тянуться, и капитан поймал себя на мысли, что он постоянно смотрит на часы. Может она захворала? Послать к ней доктора?

Вестовой позвал к обеду, погруженный в раздумья Анатолий Клавдиевич зашёл в кают-компанию. Офицеры обступили Екатерину, разговаривали и смеялись, а та что-то весёлое им рассказывала и улыбалась. Она не сразу заметила его, поэтому у Гинтера было время полюбоваться ею. Красиво уложенные волосы, новое платье в морскую полоску, коротенькое и лёгкое, делало из неё совсем юную девушку, а звонкий смех наполнял всю каюту.

— Господа, — все офицеры повернулись к нему, — Екатерина Сергеевна, пребывание на нашем корабле вам явно идёт на пользу. Надеюсь, кораблю тоже, — он окинул взглядом присутствующих.

— Я как раз рассказывала господам, что давно так не высыпалась и что на вашем военном корабле можно так отдохнуть.

— Даже не знаю, Екатерина Сергеевна, упрёк это или комплимент.

— Комплимент, комплимент, дорогой Анатолий Клавди-

евич! Вы меня окружили такой заботой, что даже матросы в коридоре перешли на шёпот.

— Шепчущиеся матросы не всегда признак заботы, — немного едко заметил мичман Михайлов.

Гинтеру показалось, что замечание в его сторону. Может, все уже что-то знают и догадываются, подумал он.

— Ну-с, коль сегодня у всех такое хорошее настроение, тогда пьём шампанское.

— Да, Екатерина Сергеевна, «Сивуч» запомнится вам отменным сном и частым шампанским, — негромко девушке сказал доктор Никольский.

— Не самые плохие воспоминания, Николай Петрович, — парировал подслушавший разговор капитан. — Такова участь моряка: сегодня шампанское, а завтра в морской бой.

— Нисколько вам не возражаю, Анатолий Клавдиевич, как медик, приветствую вашу инициативу по дневному рациону вин и напитков, тем более, если есть повод, — он посмотрел на гостью.

— Мне хочется выпить за вас, — она схватила поднесённый бокал, — за «Сивуч», за будущие победы русского флота и русской армии!

— Пить за будущие победы — дурная примета у моряков, — немного строго, для виду, поправил её капитан. — Поэтому предлагаю выпить за русское оружие, надёжное и неудержимое, за боевой дух русского война!

— Лучше и не скажешь, — подхватил Изюмов.

Когда все расселись и подали первое блюдо, Гинтер повернулся к девушке и как бы невзначай спросил:

— Сказывали, что вас нынче утром укачало, Екатерина Сергеевна?

— Утром, как раз, Анатолий Клавдиевич, я спала самым крепким сном, а ночью вдруг почувствовалось, что земля уходит из-под ног и я лечу куда-то ввысь и голова от этой выси кружится.

— Так бывает у неопытных моряков, — подхватил доктор.

— Получается я прошла боевое крещение, — засмеялась Екатерина.

Знала бы команда, какое боевое крещение устроил их капитан, про себя подумал Гинтер. Но она смеётся, намекает ему, шутит. Значит не считает ночь ошибкой, значит приняла его любовь.

За обедом болтали на отвлечённые темы, после по традиции мужчины закурили, обсуждая текущие дела.

— Господа, благодарю вас за тёплую компанию. Что-то мне хочется на свежий воздух. Сергей Михайлович, — обратилась она к мичману, — не проводите ли меня на верхнюю палубу?

— С большим удовольствием, Екатерина Сергеевна, — подмигнул доктору и галантно открыл дверь кают компании.

Когда дверь за ними закрылась, доктор Никольский грустно произнёс:

— Какая красивая девушка, а сколько стати, был бы я помоложе, обязательно бы влюбился.

— И я, и я, и я, — слышалось с разных сторон.

И я, хотелось крикнуть Гинтеру.

— Дисциплина, господа офицеры, — грозно прикрикнул капитан, — вы на боевом корабле, а не в салоне.

Исюмов даже встал с дивана, с удивлением взглянул на Гинтера, а доктору пришлось ответить штатное — «так точно».

Гинтер оглядел присутствующих, махнул не по-командирски рукой и вышел прочь. Было огромное желание взбежать на палубу, оттолкнуть Михайлова и требовать объяснений у Екатерины. Он даже поднялся на несколько ступенек, остановился на две-три секунды, но затем решительно развернулся и направился в свою каюту. Не включая свет и не снимая натёртые до блеска сапоги, улёгся на прибранную койку, закуривая папиросу. Зачем она это делает? Играет какую-то свою игру, дразнит его с этим мальчишкой Михайловым? А какое право имеешь ты указывать, что она должна делать и с кем разговаривать, шутить, смеяться. С другой стороны, пусть команда посмотрит на щебечущих воробушков — меньше будет взглядов и пересудов. Но успокоения не помогали, и он курил одну папиросу за другой. Дым от папирос стоял таким густым и плотным туманом, что казалось его можно брать в руки целыми кусками. Зачем она пришла в мою жизнь с её манерами, платьями, смехом, поцелуями

и страстными объятиями? Она ещё здесь, на верхней палубе, а тебе, Толя, уже хочется пустить пулю в висок. А что будет через два дня, когда катер увезёт её к пирсу Владивостока, чтобы навсегда затерять в необъятной России. Какое же потрясение и открытие чувств, точно помешательство. А может это всё сон: корабль, Катерина, история в Чемульпо, а я лежу на дне океана без воздуха и вижу красивые сны и мечты про службу, юных див, мою команду.

Корабль немного накренился и лучи заходящего солнца скользнули сквозь дым на его лицо. Захотелось на воздух, на простор, спуститься в машинное отделение, взять лопату и бросить угля в раскалённые котлы, чтоб душа оторвалась и полетела вместе с «Сивучем» от всего, что здесь терзает.

Гинтер вышел в коридор, ему послышался голос за дверью каюты гости. Он немедленно постучал и вошёл, в каюте никого не было. Кровать была так и не убрана, всюду лежали какие-то её вещицы. Он взял расчёску, повертел в руках и положил на место, подошёл к койке и провёл по подушке ладонью. Вокруг был её аромат, как будто она стояла рядом.

Собираясь уйти, капитан обратил внимание на чемодан, который выкатился из-под койки во время качки. Стал запихивать его на место, но боковой карман раскрылся и на пол со стуком вывалился миниатюрный женский револьвер Бульдог. Гинтер оглянулся на дверь, взял пистолет и осмотрел барабан — одного из пяти патронов там не хватало.

Дама с оружием — интересная история, рассуждал про се-

бя капитан. Понятно, что места дикие, и дядя, посылая племянницу по делам Банка, решил побеспокоиться о безопасности девушки. Зачем и во что, интересно, она стреляла? Он понюхал ствол револьвера — пороховой запах был довольно свежий. Аккуратно сложив всё на место, Анатолий Клавдиевич вышел из каюты и направился на мостик. Пошёл специально не напрямик, а вдоль палубы, рассматривая для порядка сложенные канаты. Прошёлся по правому борту кормы и заметил, что одна из двух шлюпбалок пустая, шлюпочная лебёдка размотана. Гинтер даже наклонился и посмотрел за борт, вдруг, лодку сорвало, и она висит на найтовых. Но там были только бескрайние глубины и убегающие волны.

Теперь Гинтер шёл уже не оглядываясь, быстрыми шагами на мостик.

— Старшего офицера ко мне, поживее, — нетерпеливо скомандовал дежурному матросу.

Явно что-то случилось, был бы шторм — могло сорвать плохо закреплённую лодку, но тут море от силы два балла. Где Катя, почему её не было на палубе, может, с ней что-то случилось? Какая Катя, упрекал сам себя Гинтер, у тебя происшествие на корабле, а ты о бабах думаешь.

Через четыре минуты явился Чапин, как всегда подтянутый, молодцеватый и готовый.

— Иван Иванович, доложите обстановку на корабле, — строго спросил капитан.

Старший офицер немного с удивлением посмотрел на ко-

мандира, но не раздумывая начал доклад:

— На корабле без происшествий, крейсерская скорость десять узлов, волнение моря два балла...

— Без происшествий? — недовольно перебил Гинтер. — Я сам вижу, что два балла. Ты мне лучше, Иван Иванович, скажи, куда вторая спасательная шлюпка с кормы делась?

— Ну так, с ночи нет, где ж её теперь найти.

— С ночи нет? Почему не доложили? — Гинтер строго посмотрел на помощника.

— Провели поиски своими силами, Анатолий Клавдиевич, не стали вас отвлекать по пустякам.

— Отвлекать от чего, от моей работы? От порядка на корабле?

Чапин покраснел, сказать ему было нечего.

Хорош сам, про себя подумал Гинтер, развлекался всю ночь с дамой, а теперь отчитываешь офицера, который, конечно, заметил, что творится с его капитаном.

— Офицеров и матросов опросили по поводу пропажи?

— Так точно, свидетелей нет, в Чемульпо лодка точно была.

— Понятно, что была.

— Собрать команду на палубе, — строго произнёс капитан.

— Есть, собрать команду на палубе.

Тут же раздалась сирена тревоги и весь корабль задвигался во все понятные только ему стороны. Матросы выбежали

с не заправленными тельняшками, у кого-то не было бескозырок, кто-то выбежал в одном сапоге. Через восемь с половиной минут вся команда, кроме вахтенных была построена.

Старший офицер со всей строгостью обстановки доложил:

— Господин капитан второго ранга, команда канонерской лодки «Сивуч» построена, старший офицер Чапин, — козырнул как полагается.

Гинтер молча прошёлся вдоль строя матросов, останавливаясь около особенно растрёпанных, встал напротив шеренги и громко, угрожающе произнёс:

— Это что за сброд, а не команда боевого корабля! Расслабились? Берег почуяли? Тем, кто забыл, напомню: канонерская лодка «Сивуч» идёт боевым порядком до порта Владивосток. Что такое боевой порядок всем понятно? Я спрашиваю всем понятно?

— Так точно, вашвысокобродь, — понеслось по рядам.

— Командирам отделений провести пересчёт личного состава, — обратился капитан к офицерам.

— Уже пересчитали, Анатолий Клавдиевич. Пропал кочегар Сенька Ерохин из машинного отделения. С вечера спал после вахты, потом пошёл по нужде, да так больше его и не видели. Думали улёгся на палубе, любил, говорят, на звёзды смотреть, — пояснил тихонько Чапин.

— Почему о происшествии не доложили мне?

— Думали, найдётся к обеду.

— Не нашёлся, — нахмурился Гинтер. — Пойдём ко мне

в каюту, переговорить надо.

— Разойдись по местам, — последовала команда, матросы без спешки, переговариваясь, начали разбредаться.

Возле трапа на нижнюю палубу повстречалась Екатерина:

— Что случилось, Анатолий Клавдиевич, вы так ругались.

— На боевом корабле и не такое случается, Екатерина Сергеевна. Извините нас, мы вынуждены вас покинуть, — аккуратно обошли её с Чапиным и быстрыми шагами удалились в сторону капитанской каюты.

Как сухо и как чёрство поговорил, она-то в чём виновата? Только в том, что ты, капитан корабля, дал слабину и забыл обо всём? С другой стороны, какое облегчение — работа берёт своё. Из размазни ещё час назад ты, Толя, превратился опять в боевого офицера, капитана, несущего ответственность за всё, что здесь происходит.

— Присаживайся Иван Иванович, что обо всём этом думаешь? — Гинтер пододвинул кресло, достал коробку с сигарами и предложил своему собеседнику.

— Благодарю вас. Вроде как, можно увязать события. Благодарю, — прикуривая и выпуская сигарный дым, продолжал старший офицер. — Кочегар по каким-то причинам решил сбежать с корабля. Ночью мы проходили вдоль корейских берегов, дотуда шесть-семь морских миль, огни есть — не собьётся. Но что он там будет делать? Если хотел сбежать с корабля, то проще это сделать во Владивостоке. Тут в темноте не понятно какой берег, хотя, пока догребёт уже и солн-

це встанет.

Гинтер внимательно слушал товарища, ему нравилась его рассудительность, а по ходу его мыслей часто возникали свои, не менее ценные.

— Одному спустить шестивесельный вельбот? Надо обладать сноровкой, и в темноте это неудобно делать. Скорее всего, у него был помощник или помощники. Остальные члены команды все на месте?

— Каждого офицера опросил, всех по головам посчитали.

— Давай-ка позовём старшего судового механика Лидерса, — немного задумавшись, предложил капитан.

— Вестовой! — Чапин приоткрыл дверь каюты. — Пригласи к командиру старшего судового механика, да поторопись, — строго прокричал вслед. — Женщина на корабле не к добру, не зря говорят. Думаю, от этого всё.

— Да не говори, Ваня, сам знаю. Скажи-ка лучше, как я понимаю, ты уже поработал над этим вопросом. Кто был дежурным вахтенным офицером в прошлую ночь?

— Так мичман Михайлов заступил после одиннадцати.

— Подожди, почему Михайлов? Днём был Алексеев, меня встречал.

— Так Степан Никитич занемог к вечеру, несварение какое-то случилось, вот он Сергея Михайловича и попросил подменить.

Что ж ты везде встречаешь, Михайлов, про себя выругался Гинтер. В этот момент в дверь постучались:

— Разрешите, Анатолий Клавдиевич?

— Входите, Эммануил Александрович, сигару?

— Благодарю, последнее время стал мало курить, здоровье подводит.

— Вы ведь знаете, что у нас пропал матрос машинного отделения Сенька, как его по фамилии, Иван Иванович?

— Ерохин.

— Да, Ерохин. Расскажите, что о нём знаете, давно слухит, откуда прибыл, нет ли за ним грешков каких?

— Как раз пред вами перелистовал его личное дело. Ничего плохого про него сказать не могу. Семён Ерохин. Родился в деревне Костромской волости, из бедной крестьянской семьи. На флоте три или четыре года. К нам перевёлся с миноносца «Бойкий» год назад по личной просьбе. Исполнительный, не пьянствует, особо ни с кем из матросов дружбы не водил. Рассказывал, что в детстве прислуживал в барском доме, знаком с этикетом и манерами. В общем, хороший матрос. Не понимаю, зачем ему бежать с корабля. По рассказам матросов последнее время ни с кем не дрался и не ругался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.